

УДК 812

Судьбы мифов в современном русском публицистическом дискурсе

Коженевска-Берчинска И.

Варминско-Мазурский университет, г. Варшава, Польша

В статье рассматриваются судьбы мифов в современном русском публицистическом дискурсе.

Ключевые слова: *миф, мифологема, мифотворчество, мифосознание, мифологизация, роковые мифы, зарождающиеся мифы, миф-утешение, миф во спасение.*

Социально-политические мифы можно считать отражением извечных чаяний, несбываемых, но живых надежд человека, обитания не только в мире профанум. Следует отметить и факт, что миф есть дескрипция древних верований и архаической космогонии.

Многозначное понятие миф традиционно понимается как своеобразный вымысел, иллюзия [1]. Для данных рассуждений существен еще один элемент, а именно: миф как особое состояние сознания, исторически и культурно обусловленное [2].

Общеизвестно, что наука не в силах решить большое количество вопросов, волнующих человека испокон веков, независимо от этнической принадлежности и от типа национальной культуры. Это вопросы о его месте под солнцем, о смысле жизни, о таинственных судьбоносных силах, об исконной зависимости от власти и т.д., и т.п.

Актуальность. Согласно вышеизложенным причинам, сегодня мифы могут рассматриваться как этнолингвистическая категория, так в русском публицистическом дискурсе преобладают мифы, отображающие живую веру и надежду россиян на лучший мир, который заменит тот уходящий, порочный и бесконечно демифологизированный. Таким образом, новые мифы вкупе с развенчанными, сглаживают экзистенциальные травмы. Они повествуют о разумных владыках, которые прекратят человеческие страдания и будут способствовать благополучию страны Лимонии, где растут лимоны (...), где текут молочные реки с кисельными берегами [3]. *Цель статьи* – рассмотрение судеб мифов в современном русском публицистическом дискурсе.

В исследуемом социокультурном пространстве миф объясняет также смысл зависимости от власти преобладающих, смысл необходимости мириться, подчиняться, слушаться, надеясь на вознаграждение в очередном мифическом светлом (капиталистическом) будущем. Таким образом, миф остается надежным средством интерпретации кипящей страстями и непредсказуемостью жизни перестроечного и постперестроечного времени. Это бесконечные завихрения, бушующие эмоции, исполненные недоумения поиски смысла, социальные катаклизмы, а также упорные и лихорадочные попытки отвоевать свое место под солнцем.

В первое перестроечное время страницы печати пестреют такими лексико-семантическими единицами: мифология, советские мифологемы, мифотворчество, мифо-

логизация и т.п. Рядом же – упорно распространяются мифы «о демократической удаче» и о возрождении духовности. Примеры: Мы все являемся участниками захватывающей картины реальности, которая после долгого сна открывается нам во всей полноте – («Огонек» 1990, № 5). Или: Демократия – благо не только для экономики. Это самостоятельная социальная ценность – («Огонек» 1989, № 33). И еще: Сегодня мы восстанавливаем правду, демократизм, создаем механизм, при котором не повторятся трагические ошибки – (Огонек 1989, № 39).

Таким образом, можно предполагать, что параллельно развенчиванию советских мифов, продолжается мифологический процесс принудительного осчастливливания, на этот раз – демократического. Итак, поработанный мифами советский народ был брошен в эпицентр «оздоровительной» перестройки, которая также оказалась мифологемой, отражающей богатый набор иллюзий, возникающих на почве взрыхленной верой в возможность реформировать советскую модель социализма. Возникший хаос отображен впечатляющим аллегорическим образом, созданным Войновичем во второй половине 1990 года: Штурман крутит компас вправо, рулевой вращает штурвал влево, впередсмотрящий глядит назад, кочегары подбрасывают уголь (...) вахтенные заливают топку водой. Пассажиры (...) гребут в разные стороны (...). А есть и такие, которые (...) сигают за борт и пускаются вплавь, считая, что лучше потонуть, чем плыть дальше на этом пароходе.⁵

Новое мифотворчество также является интерпретацией ценностного мира. На смену деградированных судьбой советских ценностей, появляется многоликий ценностный мир, однако, с расплывчатыми денотатами. Это чаще всего ценности: абсолютные, незыблемые, непреходящие, общечеловеческие, вечные, духовные, христианские, демократические, общепринятые, причем их обрамляет номинация сверхценности. Параллельно, также в 90-е годы, проходит развенчивание «духовных мифов», объясняющих ущербность советского человека. Это духовное убожество, духовный беспредел, духовный маразм, духовное разрушение, духовный инфантилизм (пересохших душ), общее духовное обнищание. И как своеобразное резюме: В откупоренный вакуум российской духовности со страшным свистом втягивается дикость и бессовестность – («Литературная газета» 1.10.1996).

Итак, развенчиванию мифов о духовной силе коммунистических идей сопутствует процесс насаждения мифов о новых духовных ценностях, которые, вдруг возникли, став достоянием не только перестроечного, но и постперестроечного общества.

Не только время, но и национальная ментальность диктует содержание нового мифа выбора судьбы, который пронизывает публицистический дискурс, начиная уже с 90-х: Сегодня требуют от нас ежедневного выбора и проверяют этот выбор «не отходя от кассы» – («Московские новости», 15. 12. 92). И еще, заряд демифологизации: Выбирайте свой путь! Дорога в бизнес открыта всем! – («Независимая газета», 15. 4. 04).

В роковом 1993 окончательно покинули рядового человека надежды, связанные с мифом о чудесном воздействии невидимой руки рынка, развеялись ожидания социально ориентированного, человеческого способа перехода к рынку. О процессе демифологизации говорят такие, например высказывания: золотушный рынок, агрессивный рынок, дикий рынок, хищный и безжалостный рынок, а также перифрастические образования типа: этот стон у нас рынком зовется; светлое рыночное будущее. Подобные констатации говорят еще и о специфике национального сознания, питающегося иллюзиями, склонного подвергаться мифологизации и демифологизации: Вразумленные бесконечными дефицитами, мы поверили в правду рыночных реформ, которые оказались мифом – («Новый мир» 1989, № 11).

Обратим также внимание на те вербальные конструкции, которые в иронической конвенции представляют вериги русского мифотворчества. Итак, «дорога к рынку» обрамлена ореолом светлого будущего, а этот советский фразеологизм в годы 1989-91 употребляется в функции демифологизации и насаждения рыночно-перестроечного мифа о несомненно грядущем «светлом будущем», о желании власти записать нас досрочно в «светлое будущее». Таким образом, рыночный мир представляется как триумфальное шествие благоденствия, а такое мировидение демифологизируется уже начиная с 1992 года. Примеры: Мы возводим «светлое здание капитализма»: общество подгоняется к новому светлому будущему; свирепое безответствие в стремлении к «светлому рыночному будущему». И резюмирующая для данного контекста мысль: Состав отправлен. Пункт назначения «светлое будущее». О настоящем пока следует забыть – («Независимая газета» 25. 9. 1992). И еще категоричнее: Быстрым шагом к светлому прошлому! Наши цели ясны! Задачи определены! – («Известия», 14. 11. 1992).

Развенчивание мифа советского человека как носителя всевозможных достояний сопровождается распространением множества инвективных номинаций, создающих миф тотальной порочности. Советский человек оказывается люмпеном, государственным рабом, человеком собеса, социальным иждивенцем и т.п.

Объявление идеалов советскости символом порочности можно считать фактом создания нового злокачественного мифа, основанного на манихейском делении на «правильных» и «порочных», которому сопутствует уничтожение «недостойных», «грязных», «бесполезных». Есть свидетельства такого мышления, отображенного хотя бы в мифологемах, которые возникали постепенно, начиная с конца 1991 года: коммуняки, недобитые коммунисты, разная коммунистическая сволочь, преступная клика коммунистической номенклатуры, моральные подонки (об интеллигентах-коммунистах), проходимцы от коммунизма, враги нации (евреи и демократы), посткоммунистические варвары. На смену мифа о порочном советском человеке приходит мифологема новых «героев нашего времени». Это настоящие демократы, истинные демократы, революционные защитники демократии. Проанализированный материал дает право судить, что и современные россияне заражены прочно осевшим манихейским восприятием мира.

Восхвалению непогрешимости нового миропорядка способствуют также мифы, которые рождаются в модифицированной, «модной» словесной оболочке. Советские мифологизированные стереотипы используются с целью охарактеризовать возникающие социальные и политические категории. Примеры таких мифов: о капиталистическом рае на Земле, о безальтернативности демократического мира, о демократической справедливости, о вине вездесущих врагов демократии, о демократе особого типа (демшиза).

В свете процитированных, а также многих других словосочетаний неудивительно, что пишутся такие, например, картины: Наступил новый прилив мифотворчества. Придворным идеологам предстоит печальная работа (...) как-то надо объяснить причины провала – («Независимая газета», 15. 12. 1993).

Анализ демифологизированного и сразу же опять мифологизированного пространства в переломное для России время позволяет выявить несколько его генетических особенностей, о которых будет подробно сказано в докладе.

Выводы. Итак, в советское время, вместе с новоязом – инструментом оглушительной пропаганды – укоренились бесконечные стереотипы в функции упорядочения Единственно Правильного Учения. Советский человек жил (только ли в прошлом?) вопреки опыту, а вместо опыта – в ауре двоемыслия. Отсюда новые-старые мифы как результат не вполне осознанной преемственности советских мифологем с целью,

якобы по-новому, организовать политическую сферу. И еще: после отрыва населения от кормящего советского ландшафта¹⁰ люди продолжают обитать в социальном диссонансе. Отсюда, пожалуй, высокая частотность моделей – миф-утешение, миф во спасение, разоблачающий миф, – отображающих извечную категорию человеческих страданий вместе с надеждой на лучшее. «Утечка в миф» есть зеркальное отображение масштаба необустроенности и степени резистентности новой социо-политической системы. Кроме того, жить в химере крайне неуютно, а социум все время лишь учится видеть многообразие явлений, процессов и связей между ними.

По известным причинам ни одна национальная культура не может прожить без мифов. Однако в узорах мифологической ткани закодирована информация о духовной кондиции, а также о «бытовых чаяниях» так называемого массового человека.

Согласно древним преданиям, где-то в глубокой пещере лежит толстая книга человеческих страданий-жалоб, а заглядывающий в нее не успокоится вовеки. Можно полагать, что ее неисчислимые страницы заполняются не в последнюю очередь, жалобами обездоленных россиян, кричащих о беспочвенности ожиданий, об извечной скорби батальонов униженных. Не грешат любопытством виновники их стенаний. Продолжается странствование бездомных в мифические края, заселенные иллюзиями. Выстраивается очередная камарилья из «друзей народа», «народных заступников». Падают мифы... Да здравствуют мифы!

Список литературы

1. Гуревич П.С. Философская антропология / П.С. Гуревич. – М., 1997.
2. Руднев В.П. Словарь культуры XX века / В.П. Руднев. – М., 1999, с. 170.
3. Войнович В. Сказочки о пароходе / В. Войнович. – «Неделя». – 1990. – № 23.
4. Ципко А. О зонах открытых для мысли / А. Ципко. – «Новый мир». – 1990. – № 4.
5. Войнович В. Указан. соч.
6. Подробно см.: Коженевска-Берчинска И. Образ человека в континууме публицистики / И. Коженевска-Берчинска. – Ольштын, 1993.
7. Термин ввел Л. Гумилев в кн.: Этносфера. История людей и история животных. – М., 1993. – С. 532.

Коженевська-Берчинська І. Долі міфів у сучасному російському публіцистичному дискурсі // Ученіє запіскі Таврічеського національного університета ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т.25 (64). – № 1. Частина 1. – С.79-82.

У статті розглядаються долі міфів у сучасному російському публіцистичному дискурсі.

Ключові слова: міф, міфологема, міфотворчість, міфосвідомість, міфологізація, рокові міфи, міфи, що зароджуються.

Kozhenevska-Berchinska I. Fates of the myths in modern russian discourse // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communications». – 2012. – V.25 (64). – № 1. Part 1. – P.79-82.

The article deals with fates of the myths in modern Russian discourse.

Key words: myth, mythologema.

Поступила в редакцію 18.04.2012 г.